

Михаил Маргелов

«РОССИИ И США НУЖЕН БРАК ПО РАСЧЕТУ»

Главный редактор журнала Индекс Безопасности Владимир Орлов беседует с председателем Комитета Совета Федерации по международным делам Михаилом Маргеловым¹.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Михаил Витальевич, как бы Вы охарактеризовали нынешний этап российско-американских отношений? Действительно ли все настолько *плохо* и мы движемся к конфронтации с американцами?

МАРГЕЛОВ: Прошло время, когда политики и эксперты называли российско-американские отношения *стратегическим партнерством*. Сегодня звучат другие определения – *выборочное сотрудничество, низшая точка отношений* за последние 20 лет, *возврат к политике сдерживания* и даже – к холодной войне. Что и говорить, наши отношения однозначной оценке не поддаются. Если брать во внимание риторику с обеих сторон, то их охлаждение – несомненно. С другой стороны, мир таков, что это охлаждение выглядит неестественным. Будто обе стороны нарочно ослабляют себя в борьбе, как сказали бы в нашем МИДе, с новыми вызовами и угрозами. Добавлю, что и старые вызовы и угрозы еще не побеждены. Тратить силы на противоборство в этих обстоятельствах непрактично.

По здравому смыслу, США и Россия должны бы дружно работать по всем направлениям мировой политики. И могли бы обратить свои отношения к обоюдной выгоде. Понятно, для этого нужен систематический диалог с соблюдением законов этого жанра. То есть необходимо терпеливо *довольствоваться тем, что нас уже объединяет, и уважать то, что пока разъединяет*. Принцип реальной политики плохо совместим с переговорами. Между тем только в постоянном диалоге и можно выяснить, какой характер отношений нам по силам – стратегическое партнерство, выборочное сотрудничество или что-нибудь еще. Известно, что характер этот колеблется от союзнического до враждебного. И пока что окончательных концепций по отношению друг к другу стороны не выработали. Препятствие, наверное, не одно. Но я отметил бы среди прочих наследие прошлого, остаточные явления ядерного противостояния. В них источник многих наших недовольств и несогласий.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: На каких направлениях должны в первую очередь сосредоточиться наши страны? Где нам найти точки соприкосновения для сотрудничества?

МАРГЕЛОВ: Отношения таких стран, как Россия и США, с необходимостью должны охватывать самые важные глобальные и региональные проблемы. Все, вокруг чего сегодня сосредоточена мировая политика. Это, кстати, те самые области, в которых наши

И
Н
Д
Е
К
С
Б
Е
З
О
П
А
С
Н
О
С
Т
И

страны друг другу нужны. Конечно, с этими проблемами не справиться и вдвоем. Сотрудничество даст эффект, если совместные инициативы поддержат и другие страны.

После 11 сентября 2001 г. одной из таких проблем стала борьба с терроризмом. К этому надо добавить ядерную область, энергетику, противодействие распространению оружия массового уничтожения (ОМУ), борьбу с массовыми заболеваниями. Эти области сопрягаются с совместной работой по умиротворению конфликтов.

Общего внимания США и России требуют, прежде всего, вопросы безопасности. США хотят отвечать за весь мир, в том числе – за стабильность в Евразии. Но в Евразии нет страны, с которой Россия не была бы связана исторически или не взаимодействовала бы по широкому кругу вопросов в данный момент. Россия озбочена безопасностью континента не менее США, и интересы сторон здесь совпадают. При этом американцам следует считаться с особенностями постсоветского пространства. С особым влиянием, которое Россия на него оказывает. Ведь она – потенциальное ядро этого пространства. У России здесь самые мощные экономика и армия.

России во всех отношениях выгодно сотрудничать с США. И наоборот. Эта выгода заключается в том, что возможности наших стран для достижения собственных интересов в этом случае складываются. Разрыв же с мировым лидером означает для России прекращение модернизации. Сегодня модно рассуждать о самобытности российского пути, видимо, для того, чтобы на эту самобытность списывать трудности и недостатки. Пути, модернизации во многом универсальны. Большинство общественно-политических и экономических инноваций в Россию пришло не с Востока, а с Запада. И сейчас, при известных издержках, российская модернизация – это усвоение европейского опыта и стандартов. Россия – член Совета Европы и в целом выполняет регламент этой организации. В манере же ведения дел нашим бизнесом есть и элементы американской культуры предпринимательства.

Недавно Россия показала, что готова к широкому партнерству с США. Президент Путин предложил президенту Бушу совместно работать над системой противоракетной обороны (ПРО). Легко вообразить все перспективы такой работы. Это и большая открытость, и признание общих противников, и технико-экономическое сотрудничество и т.д. Иначе говоря, мы в рабочем порядке пришли бы к тому, что *авансировали* в свое время как стратегическое партнерство.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: А где, по Вашему мнению, сосредоточены основные противоречия между российской и американской внешней политикой?

МАРГЕЛОВ: У наших стран есть расхождения в нескольких достаточно важных направлениях. Например, и Россия, и США равно заинтересованы в мирном урегулировании на Ближнем Востоке. Россия полагает, что для пользы дела стоит собрать большую конференцию по Ближнему Востоку. В ней могли бы участвовать, помимо членов квартета, другие страны региона и различные политические группы – наподобие Мадридской конференции 1991 г. США же проявляют чрезмерную щепетильность, не считая эти страны и группы *договороспособными*.

Далее, Россия не полагается на санкции как на единственно эффективные меры против тех, кто нарушает международные договоренности. США, наоборот, налагают их налево и направо, будь то страны, фирмы или частные лица. По мнению России, распространение демократии в исламском мире с помощью оружия только умножает экстремизм. Тому много примеров и сегодня, и в недавнем прошлом. Будто к странам *оси зла* другие методы модернизации неприменимы. Я недавно разговаривал с иранским дипломатом, и он сказал мне: пока есть международные посредники на Каймановых островах, никакие санкции нас не волнуют.

Применительно к исламскому миру существуют и другие механизмы модернизации, кроме демократии. Сегодня наиболее динамичными странами являются небольшие монархии в районе Персидского залива. И если, скажем, в Бахрейне, где большинство населе-

ния – шииты, провести демократические выборы, и шииты придут на смену правящей династии, страна превратится в сателлит Ирана. И кому это выгодно?

Россия хочет вести политику согласия, чтобы значимые решения принимались консенсусом. Известна российская позиция по Косову. США – за план фактической независимости края от Сербии. Россия за то, чтобы статус этой территории был согласован с Белградом. Навязанное решение усилит конфликтность на Балканах. Косовары сегодня попросту шантажируют Запад, грозя, по сути, войной. Это опасный прецедент, прежде всего для постсоветского пространства. Здесь есть самоопределившиеся, но не признанные мировым сообществом государства.

Российские и американские интересы часто пересекаются. И создается впечатление их постоянного противостояния – войны интересов. Однако соперничество – не война. Здесь возможны компромиссы.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Михаил Витальевич, а не считаете ли Вы, что в принципе трудности в отношениях России и Запада во многом надуманы? И поиск компромиссов не так труден, если мы отбросим стереотипы и мифы, которыми оперируют в своей риторике политические деятели с обеих сторон?

МАРГЕЛОВ: Как-то в Парламентской ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) весьма опытный английский депутат спросил меня, а «может ли в России вообще быть демократия?». Это показательный вопрос, который на Западе задают даже образованные политики, журналисты, министры и члены парламентов. То есть стереотипное отношение к России присуще и тем кругам, которые должны бы разбираться в демократических институтах и процедурах.

Запад часто судит о России предвзято. Например, гражданам России приписывают наследственный антидемократизм. Приписка становится стереотипом. А из него легко выйти и на заведомые следствия. Если народу демократия чужда, то власть, по определению, авторитарна. У такой власти, кроме имперского, никакого иного мышления быть не может. А *православная солидарность* будто придает русским неистребимую временем вражду к Западу. В свою очередь, часть российского населения считает Запад неискренним и эгоистичным. Некоторые наши граждане уверены, что Запад хочет развалить страну, лелеет против России чудовищные замыслы, что люди на Западе лишены духовности, ненавидят нас и творят нам пакости. Так что западные стереотипы по отношению к России подкрепляются российскими стереотипами по отношению к Западу.

Можно ли преодолеть стереотипы? Разумеется, можно, поскольку они ничего общего с действительностью не имеют. В России минимум две трети ВВП приходится на долю частного бизнеса. В России коммунисты набирают меньше 10% голосов. В России после последних выборов Дума обновилась наполовину. В США, как правило, теряют свои места гораздо меньше депутатов. В России количество частных газет, телестудий, радиостанций сегодня в три раза больше, чем в 1990-х гг. И несопоставимо больше в сравнении с любым самым либеральным периодом ее истории. В России шесть-семь миллионов граждан ежегодно обращаются в суды, в том числе в Европейский суд по правам человека, где выигрывают иски против властей. И так далее. Смею думать, что стереотипы сегодня, на самом деле, изживаются, становятся чисто пропагандистской категорией. О них вспоминают, как только доходит до рабочего столкновения интересов.

В Москве накануне саммита президентов Джорджа Буша-мл. и В.В. Путина в Кеннебанкпорте в июле 2007 г. встретила рабочая группа «Совет Федерации – Сенат Конгресса США». Ни один из участников стереотипами не пользовался. Мы беседовали о вещах, достойных представителей наших стран. Получили в очередной раз заверение, что поправку Джексона-Вэника до президентских выборов планируют отменить. Наша встреча не первая. И тон дискуссий внушает оптимизм. У нас большой потенциал сотрудничества, если угодно, по необходимости. Не говорю даже о каких-то новых совместных институтах. Я имею в виду только большую активность в уже построенных.

Ю
Б
В
Р
Е
Т
Н
И

Скажем, работу в рамках созданного почти десять лет назад Центра обмена данными о пусках ракет. Или укрепление режима контроля над ракетными технологиями. США и России по силам установить международные стандарты по обращению с ядерными материалами. Обе страны равно ответственны за режим нераспространения ОМУ – его давно надо ужесточить. У нас есть возможности не соперничать, а сотрудничать на постсоветском пространстве, в той же Центральной Азии. Здесь общие угрозы – наркотрафик, терроризм, исламский экстремизм.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: Важной составляющей, базой крепких двусторонних отношений между государствами является экономическое сотрудничество. Как в этой сфере, по-Вашему, идут дела между США и Россией?

МАРГЕЛОВ: Прямые американские инвестиции в экономику России составляют 11 млрд долл. В свою очередь, российские инвестиции в США достигли сопоставимого уровня. Экспорт США в Россию последние три года растет с ежегодным темпом в 20%. С 2005 по 2006 г. товарооборот между нашими странами увеличился на 40% и превысил 15 млрд долл. США. Но ведь это – всего три процента в общем товарообороте России. А мы во внешней торговле США *весим* менее процента.

На недавнем Международном экономическом форуме в Петербурге общая сумма сделок составила 13,5 млрд долл. США. Из них 3,5 – это сделка с компанией *Boeing*, которая планирует продать два десятка самолетов *Аэрофлоту*. У *Боинга* несколько совместных проектов с российской авиакосмической промышленностью. В России работают *Ford* и *General Motors*, *Coca-Cola* и *Johnson&Johnson*, *Mary Kay*, *William Wrigley*... И это не все. Так что возможности расширения наших экономических связей есть.

ИНДЕКС БЕЗОПАСНОСТИ: И напоследок, какими должны быть российско-американские отношения в будущем? По какому пути они должны развиваться?

МАРГЕЛОВ: Годы лидерства, вернее, попыток гегемонии США не улучшили управляемость международными процессами. Основные режимы ослабли. Разговоры о необходимости реформы ООН стали общим местом. Конфликтность в мире возросла. В самих США считают, что бремя глобальной ответственности оказалось для страны непосильным. Ирак называют стратегической ошибкой. Указывают на военные трудности в Афганистане – инкубатора демократии для исламского мира в Афганистане не получилось, *CNN* называет то, что там происходит, военными затруднениями, американские коллеги называют это кошмаром. Эксперты высказывают мнение, что однополярный мир дал трещину. О подробностях нового миропорядка судить никто не берется. Сходятся лишь во мнении, что вполне вероятен общий хаос. На фоне такого будущего конфронтация между Россией и США представляет глобальную угрозу.

Нужен практический подход к нашим отношениям, без чрезмерных уверений в дружбе. Есть такое верное наблюдение – чтобы идти одной дорогой, не обязательно идти в обнимку. Для России и США отсутствие партнерства – уже конфронтация. Нам нужен практический подход. Нам нужен брак по расчету.

Примечание

¹ В основу интервью положено выступление председателя Комитета Совета Федерации по международным делам М.В. Маргелова на заседании Международного клуба *Триалог*, организованном ПИР-Центром 10 июля 2007 г.